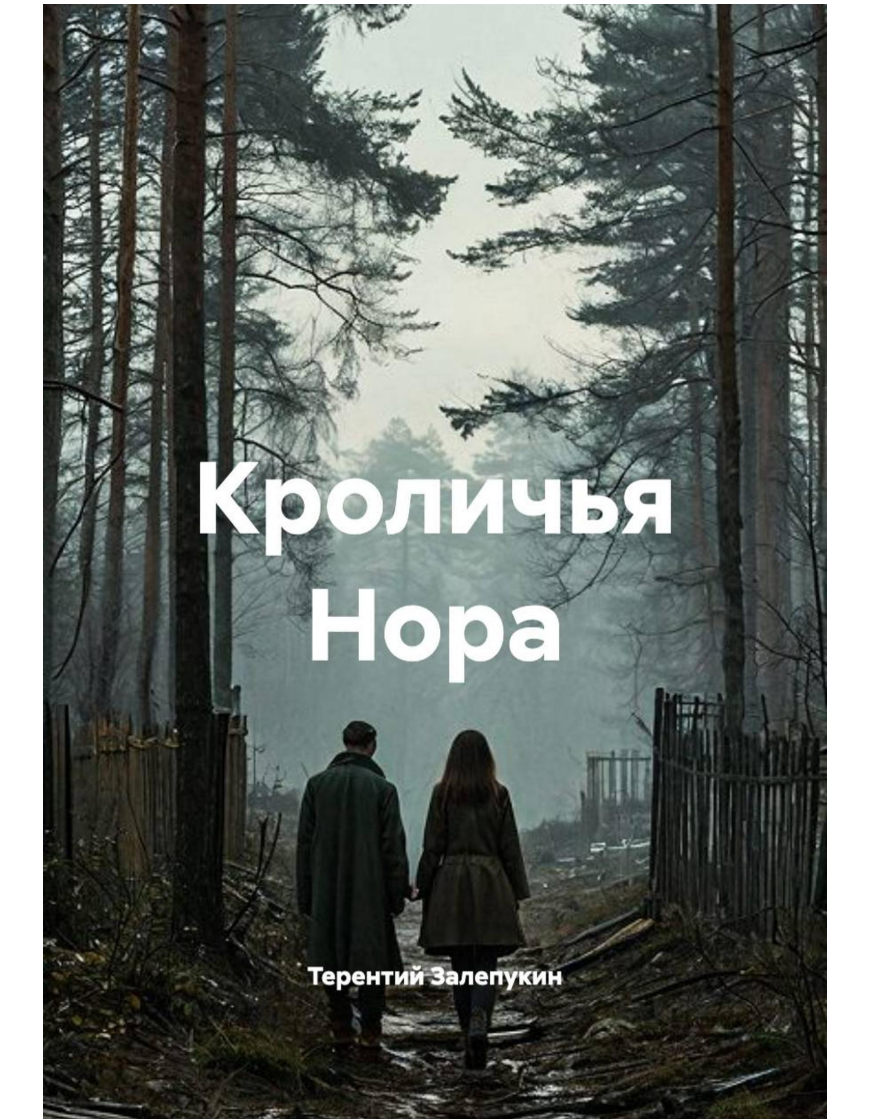

A man and a woman are walking away from the viewer down a muddy path in a dense, misty forest. They are holding hands. The man is on the left, wearing a dark coat, and the woman is on the right, also in a dark coat. The forest is filled with tall, thin trees, and the ground is covered in fallen leaves and branches. The overall atmosphere is somber and mysterious.

Кроличья Нора

Терентий Залепукин

Терентий Залепукин Кроличья Нора

<https://litres.ru/74251774>

SelfPub; 2026

Аннотация

Виктор и Настя — последние сотрудники, оставшиеся доживать последние дни в умирающем пионерском лагере. Их рутинная работа по консервации имущества превращается в кошмар, когда они проникают в старый, запертый годами хозблок.

Содержание

Часть первая. ПРИЕЗД	4
I	4
II	7
III	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Терентий Залепукин

Кроличья Нора

Часть первая. ПРИЕЗД

I

Автобус до лагеря «Смена» ходил три раза в неделю, и даже это, по слухам, должно было закончиться в сентябре — вместе со всем прочим, что ещё теплилось на этом клочке соснового берега в сорока минутах от города. Виктор сошёл на грунтовой развилке, где асфальт кончался так резко, будто дорожники в какой-то момент просто устали и ушли обедать навсегда, и остаток пути — километра полтора — прошёл пешком, неся вещи в спортивной сумке с оторванной наполовину лямкой.

Ему было то ли тридцать пять, то ли пятьдесят — сам он, кажется, давно перестал следить за цифрой, а лицо у него было из тех, что не поддаются датировке: не молодое, не старое, обветренное с одной, более употребимой стороны, как деревянный забор, который красили только с той половины, что видна с дороги. В трудовой книжке, если бы кто-то потрудился её открыть, значилось бы много всего и понемно-

гу — сторож, электрик четвёртого разряда, кто-то ещё, — и ни одна запись не тянула бы больше года. Директриса лагеря, Ирина Павловна, женщина с голосом, отточенным тридцатью годами линеек и построений, наняла его по телефону, даже не увидев вживую, — сказала только: «Нам бы до конца сезона продержаться, там всё равно закрываемся насовсем», — и в этом «насовсем» Виктору послышалось не сожаление, а облегчение, как у человека, снимающего наконец тесную обувь.

Лагерь открылся ему из-за поворота так, как открываются места, которые больше двадцати лет не видели свежей краски: сначала ворота, покосившиеся, с облупившейся звездой над аркой, потом ряд корпусов, крашенных когда-то в бодрый морской синий, а теперь — в цвет застоявшейся воды, потом столовая с проваленной, будто вздохнувшей крышей одного крыла. Сосны стояли здесь так же, как стояли, надо думать, полвека назад, — равнодушно, вне всякой связи с людскими планами закрытий и открытий, — и в их равнодушии было что-то, отчего Виктору, человеку, в принципе не склонному к сантиментам, стало на мгновение не по себе, — ощущение, которое он, впрочем, тут же и забыл, списав на дорогу и жару.

На крыльце административного корпуса его ждала девушка лет двадцати трёх, в растянутой футболке с полустёртым принтом какой-то давно забытой рок-группы, с сигаретой, которую она держала так, будто это была скорее деталь ко-

стюма, чем предмет для курения.

— Вить? — спросила она, не вставая. — Я Настя. Мы тут вдвоём, короче, до конца месяца. Остальные уже свалили.

— Двое на весь лагерь?

— Ирина Павловна сказала, надо всё описать, сдать, законсервировать, что можно. — Настя щёлкнула окурком в консервную банку у ноги. — Электричество тут через раз, вода тоже. Романтика.

Она произнесла это слово — «романтика» — с той интонацией, с какой произносят названия болезней, и Виктор, ещё не зная её и трёх минут, уже понял, что это будет их общий язык на ближайшие недели: ирония как единственная доступная форма выживания в месте, которое медленно, но необратимо переставало существовать.

II

Работа, как это всегда бывает вначале, оказалась скучнее любого сюжета, придуманного заранее: опись инвентаря, сверка номеров на матрасах, подсчёт кастрюль в столовой, где даже эхо звучало как-то простужено. Дни стояли те плотные, отяжелевшие августовские дни, когда солнце будто задерживается на небе дольше положенного, не желая признавать, что лето заканчивается, — и вечерами, когда становилось прохладнее, Настя с Виктором сидели на ступенях столовой, пили растворимый кофе из погнутых кружек и обменивались той дозированной откровенностью, какая возможна только между людьми, знающими, что расстанутся через месяц и больше никогда не увидятся.

— А хозблок ты видел? — спросила она на третий, кажется, вечер, кивнув куда-то за спортивную площадку, где за рядом переросших кустов барбариса виднелась крыша здания, явно куда более старого, чем всё остальное на территории, — сложенная из потемневшего от времени кирпича, без единого следа той синей краски, которой красили корпуса.

— Мельком.

— Его тут никто не трогает. Говорят, он ещё до лагеря стоял — типа, тут раньше усадьба была какая-то, или ферма, я не помню точно, — и хозблок вроде как единственное, что от неё осталось. Лагерь вокруг него уже потом построили.

— И что там?

— А фиг знает. Заперто на замок ещё с советских времён, наверное. Вожатые байки рассказывают детям — типа, там кто-то живёт, кто-то там сгинул в шестидесятых, обычная лагерная дичь. — Настя усмехнулась, но усмешка вышла чуть более натянутой, чем того требовала небрежность фразы. — Только там задвижка на воду главная. Ирина Павловна сказала, надо перед закрытием всё перекрыть, а то трубы зимой порвёт. И ключа от хозблока ни у кого нет — потерялся лет пять назад, наверное, вместе с завхозом, который уволился.

— То есть нам туда лезть?

— То есть нам туда лезть, — подтвердила Настя с той же интонацией, с какой минуту назад произносила слово «романтика».

III

Они дотянули с этим до пятницы — не сговариваясь, но с одинаковым, необсуждаемым единодушием людей, откладывающих неприятное дело до последнего разумного срока. Пятничным вечером, в тот час, что фотографы называют золотым, а обычные люди — просто предзакатным, они взяли с собой фонарики, монтировку из инструментального сарая и, повинаясь какому-то смутному, необъяснимому порыву, старую алюминиевую лестницу, прислонённую с незапамятных времён к стене кухни.

Хозблок стоял в глубине заросшего участка, огороженно-го отдельным, более низким забором из проржавевшего сетки-рабицы, — и ворота, ведущие во внутренний двор, действительно были заперты на замок настолько старый, что сама ржавчина на нём казалась музейным экспонатом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.